

Ли Юэчжи не была из тех, кто покорно сносит обиды, и тут же парировала:

— Работать на тебя? Посмотрим, доживешь ли ты до этого! Ты уже давно занимаешь должность учетчика, но так и не увидел, чтобы твой зять хоть чем-то тебе помог.

Гуань Маньку, и без того расстроенный этим вопросом, услышав слова Ли Юэчжи, с размаху ударил её по лицу:

— Глупая баба!

Гуань Маньку, считавший себя человеком с положением, любил говорить высокопарно.

Ли Юэчжи тут же разрыдалась и закричала:

— Ты, мерзавец, посмел ударить меня! Я с тобой покончу!

С этими словами она бросилась на Гуань Маньку.

Дети из второй ветви семьи, увидев это, испугались и тоже заплакали. Гуань Хэ, видя, что ситуация выходит из-под контроля, громко крикнул:

— Хватит! Прекратите! Что вы затеяли? В Новый год устраивать такие сцены! Невестка, заведи детей в комнату!

Гуань Хэ пользовался в семье большим авторитетом, и Ли Юэчжи не посмела больше буяннить, увела плачущих детей в комнату.

Гуань Юань с интересом наблюдал за всем происходящим, словно это был настоящий спектакль.

Когда Ли Юэчжи ушла, Гуань Хэ сказал:

— Вам не стоит завидовать. На этот раз Маньсин действительно нашла для Маньюэ хорошего жениха. Когда дело дойдет до наших девушек, разве её тётки не помогут? А что касается мальчиков, если свадьба Маньюэ состоится, Гохуй — человек из правительства, и тогда мы сможем попросить его найти нашим внукам работу в городе. Разве это не просто?

Слова Гуань Хэ заставили даже Ян Фэйфан, которая изначально была против, тайно обрадоваться, не говоря уже об остальных. Гуань Маньюэ же выглядела крайне довольной.

Только Чжао Шэнгу произнес:

— Дедушка Гуань, если эта семья действительно такая хорошая, как говорит тётя, почему они не ищут жениха в городе?

Гуань Маньюэ, услышав это, почувствовала себя оскорблённой и резко ответила:

— Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что я деревенская простушка и не могу сравниться с городскими? Вижу, ты просто завидуешь!

Гуань Юань едва сдержал смех, думая, что глупость Гуань Маньюэ поистине беспредельна.

Чжао Шэнгу, услышав её слова, не рассердился:

— Я ничего не имел в виду, просто считаю, что перед свадьбой нужно всё хорошенько выяснить.

Тут Ян Сюцуй вскочила:

— Сразу видно, что ты коварный! Хочешь испортить свадьбу Маньюэ!

Гуань Маньку тоже был недоволен:

— Маленький ещё, чего лезешь? Помолчи.

Чжао Шэнгу, видя их реакцию, больше не стал говорить, думая про себя, что он уже предупредил их.

Гуань Юань, посмотревшись на эту сцену, решил, что больше ничего интересного не произойдёт, и воспользовался моментом, чтобы сказать Чжао Шэнгу:

— Брат, я хочу спать!

Услышав это, Чжао Шэнгу, не обращая внимания на остальных, взял Гуань Юаня на руки и отнёс в комнату.

— Брат, не вмешивайся больше в их дела. Они не ценят доброты, пусть сами набивают шишки, — с досадой сказал Гуань Юань, жалея, что Чжао Шэнгу поругали.

Чжао Шэнгу уложил Гуань Юаня в кровать, положил его ноги себе на живот, убедился, что тому не холодно, и сказал:

— Всё-таки мы живём под одной крышей, просто предупредил их. Если что-то случится, совесть будет чиста.

Гуань Юань надул губы. Совесть — это то, чего у него точно не было.

— Сяо Юань, я заметил, что ты стал намного умнее! Даже знаешь, что такое «не ценить доброты», — неожиданно сказал Чжао Шэнгу.

Гуань Юань на мгновение замер, но быстро пришёл в себя и с невозмутимым видом ответил:

— Конечно! Ты же посмотри, чей я брат!

Чжао Шэнгу рассмеялся, ущипнул его за нос и сказал:

— Чей же это брат такой умный?

Затем он пощекотал его под мышками.

Гуань Юань не выдержал и начал извиваться в кровати, как червяк, пытаясь увернуться от рук Чжао Шэнгу.

— Ха-ха, брат, хватит, я больше не могу!

К концу он уже едва мог говорить от смеха. Чжао Шэнгу, боясь, что он вылезет из-под одеяла и простудится, перестал его дразнить.

Гуань Юань не знал, о чём в это время говорили в главной комнате, но он знал, что произойдёт дальше, хотя это его не касалось.

Три дня Нового года пролетели незаметно. На четвёртый день пришли сваты от семьи Ван, чтобы обсудить помолвку. На седьмой день семья Ван прислала свадебные подарки.

Часы, золотое кольцо и 300 юаней наличными — эти подарки произвели фурор во всей деревне Гуаньцзя.

Одно только золотое кольцо стоило не меньше двухсот юаней.

В дом Гуань потянулись люди, чтобы посмотреть на подарки.

Свадьба Гуань Маньюэ вызвала зависть у всех девушек и женщин деревни. Гуань Маньюэ в эти дни была на седьмом небе, как павлин, который выставляет себя напоказ.

— Я говорила, что не нужно покупать золотое кольцо, но они настояли. Хоть оно и лёгкое, но сойдёт, — Гуань Маньюэ размахивала левой рукой с кольцом перед окружавшими её девушками.

— Маньюэ, это же так здорово! Посмотри, у кого в нашей деревне есть кольцо на свадьбу? Тебе действительно повезло, — с завистью сказала Гуань Сяоцзюй, лицо которой было покрыто веснушками.

— Ну, может быть. Хотя я могла бы найти и лучше, но я не из тех, кто гонится за богатством. Я согласилась, потому что их семья хорошая, — продолжала Гуань Маньюэ разжигать зависть.

Эти слова заставили несколько девушек украдкой скривиться.

Как бы то ни было, свадьба Гуань Маньюэ была назначена на после Праздника фонарей.

Чжао Шэнгу всё больше чувствовал, что что-то не так. Почему всё так спешно? От знакомства до свадьбы прошло меньше месяца.

Но он не был мазохистом и с того вечера больше не высказывал своего мнения о свадьбе Гуань Маньюэ.

Когда свадьба была назначена, в семье Гуань начались ещё большие раздоры. Ян Сюцуй и Гуань Маньюэ потребовали 500 юаней на приданое. Это вызвало бурю негодования не только у невесток, но и у трёх братьев Гуань Маньцуня.

Деньги, которые оставил дедушка Чжао Шэнгу, чтобы Гуань Маньку стал учётчиком в бригаде, плюс разные расходы за эти годы, оставили в общей сложности меньше 5 000 юаней. Если отдать 300 юаней на приданое Гуань Маньюэ, что останется трём братьям?

Ян Сюцуй и Гуань Маньюэ настаивали на этой сумме, остальные были категорически против. Тогда Ян Фэйфан, сверкнув глазами, сказала:

— У Чжао Шэнгу ведь есть деньги. Деньги Ли Юэхуа были отданы ему, да и разве старик Чжао не оставил что-то своему внуку? Пусть он и даст приданое.

Ян Сюцуй хлопнула себя по бедру:

— Я же говорила, что этот парень нечист на руку. Смотрит, как мы тут мучаемся, и даже слова

не скажет. Может, ещё и смеётся в сторонке. Нет, я обязательно заберу его деньги! Старик, ты согласен?

Гуань Хэ задумался, а затем торжественно произнёс:

— Если у него действительно есть деньги, то это может принести ему неприятности. Лучше мы будем хранить их за него, чтобы оправдать доверие его деда.

Ян Фэйфан услышала это и внутренне усмехнулась, но на виду сказала:

— Папа прав. Маленькому ребёнку нельзя оставлять столько денег, это может навредить ему.

Остальные, думая, что им не придётся тратить общие деньги, были рады.

Когда Чжао Шэнгу и Гуань Юань вернулись, они увидели, что вся семья Гуань ждёт их.

Гуань Хэ с добродушным видом сказал:

— Хороший мальчик, на улице так холодно, ты не замёрз? Иди сюда, садись на канг.

Гуань Юань с подозрением смотрел на членов семьи Гуань.

В прошлой жизни Гуань Маньюэ вышла замуж в шестнадцать, и тогда ничего подобного не происходило.

Чжао Шэнгу тоже почувствовал неладное и, держа Гуань Юаня за руку, отошёл подальше:

— Дедушка Гуань, у Сяо Юаня промокли ботинки. Если ничего важного, я отведу его переобуться.

— У Сыва ботинки мокрые? Ну и что? Иди к бабушке, садись на канг, я положу твои ботинки у печки, чтобы они просохли.

Теперь даже дурак понял, что что-то не так.

Чжао Шэнгу, уставший от их уловок, сказал:

— Дедушка Гуань, если вам что-то нужно, говорите прямо.

Гуань Хэ и Ян Сюцуй, с трудом сдерживавшие улыбки, замерли.

— Кхм, — Гуань Хэ кашлянул и продолжил. — Шэнгу, мы заботимся о тебе. Ты ведь всё ещё держишь 1 000 юаней от мамы Юэхуа, да и дедушка, наверное, оставил тебе что-то? Маленькому ребёнку нельзя носить с собой столько денег, это может принести тебе неприятности. Лучше мы будем хранить их за тебя, а когда ты вырастешь, мы вернём их.

Вот в чём дело. Они считают его дураком.